

В диссертационный совет Д 170.003.02 на базе
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д.
69, ауд. 910

Отзыв

официального оппонента на диссертационную работу Белова Валерия Александровича на тему «Аренда как возвратное обязательство», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

Обязательственные связи – при всей их кажущейся простоте – составляют неисчерпаемый и постоянно обновляемый фонд проблем цивилистики и их решений. Отношения, возникающие в силу договора аренды, до настоящего времени относятся к числу наиболее распространенных, и, судя по складывающейся экономической ситуации, вряд ли в обозримом будущем какой-либо институт составит серьезную конкуренцию правовому институту аренды на рынке временного использования имущества.

Договорам, в том числе договору аренды, посвящена масса исследований, включая научно-квалификационные. Соискатель не пошел по пути тривиального анализа обычных аспектов данного договора (это было бы неверно с точки зрения степени разработанности) и поставил в центр внимания несколько необычный момент – возврат имущества. Вопрос о том, насколько это обоснованно с методологической точки зрения может быть отдельно обсуждаем, но, несомненно, таким образом автор ушел от возможного упрека в том, что взялся за хорошо изученную тему. При оценке выбора темы, глубины ее исследования в правоведении важно также учитывать, что в связи с изменениями законодательства, развитием правоприменительной практики и доктринальных разработок значительное число положений цивилистики применительно к аренде или изменилось или

должно интерпретироваться иначе. Все это позволяет говорить об актуальности и практической значимости темы, принятой к анализу.

Диссертационное исследование В.А. Белова соответствует заявленное научной специальности – 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право), анализируемые в диссертации категории и отношения предусмотрены в пп. 1.1., 1.4., 1.5., 1.10., 1.12.-1.14, 1.17-1.19 Паспорта данной научной специальности.

Структура и расположение диссертационного материала в целом возражений не вызывают, позволяют эффективно ставить вопросы и вести исследование. Диссертационное исследование изложено на 213 страницах машинописного текста, в нем три главы, 9 параграфов.

В целом содержание и взаиморасположение отдельных частей работы предопределено ее задачами: если в первой главе анализируются общие вопросы, в том числе значение «признака возвратности», то во второй обсуждаются отдельные элементы обязательств, в третьей – особенности отдельных арендных отношений.

Тем не менее, относительно точности наименования отдельных частей работы могут быть поставлены вопросы. Так, глава 2 названа «Обязательство из договора аренды», т.е. слово «обязательство» используется в единственном числе (не означает ли это, что из договора аренды возникает одно-единственное обязательство?!). Список литературы (использованных источников) почему-то поименован «библиографическим» (хотя, разумеется, он составляется по библиографическим правилам).

Анализ позволяет утверждать, что сформулированные соискателем положения, выводы и рекомендации позволяют дать общую положительную оценку исследованию. Полученные результаты обладают признаками новизны, основаны на использовании апробированной цивилистической методологии, направлены на разрешение концептуальных научных и практических проблем. Диссертационное исследование опирается на исследование нормативного материала, сопровождается требуемым для

данной темы научным аппаратом, привлечением оценок других исследователей, материалов судебной практики. Полученные результаты в целом доказательны, обладают достаточным уровнем репрезентативности.

Конкретные положения подтверждают этот вывод.

Так, правильно утверждается, что в своей основе обязательства предназначены для перемещения имущества, прежде всего – товаров (С. 16 и далее), в результате делается вывод, что стабильный товароборот базируется на принципе эквивалентности встречного предоставления (С. 9, положение №1). Правда, здесь «эквивалентность» было бы лучше толковать как «встречность» (или «синаллагматичность»), поскольку арифметическое равенство, полная тождественность не рассматриваются в качестве критерия и не возводятся в принцип. Наконец, этот признак в очевидной форме характерен лишь для обязательств, основанных на акте отчуждения экономических ценностей; применительно к аренде, а также некоторым иным договорам, по которым имущество предоставляется без утраты титула вещных прав передающей стороной, неизбежны оговорки.

Автор выделяет две формы возвращения ранее полученного: позитивную и негативную (С.21-22). В целом, видимо, они (эти формы) действительно могут быть выделены без утраты смысла и традиционного понимания обязательств. Труднее усмотреть в «возврате» именно признак, тем более, что такое действие не является естественным, общим и универсальным в обязательственной сфере; т.е. данному действию автор придает избыточно широкое значение, хотя, разумеется, во всех случаях власть по обладанию (владение) чужим имуществом когда-то кончается и имущество требуется вернуть...

Соискатель формулирует также понятие «возвратного обязательства» (С. 27), выделяя его характерные черты. Наверное, в целом с этими соображениями можно согласиться. Но не ясно, почему подчеркивается, что возвратное обязательство «это относительное правоотношение», если данный признак есть признак всякого обязательства? Это доказывать не надо.

Выделение тесной связи такого обязательства с фактом передачи кредитором объекта должнику в целом правильно, но данную черту легко можно было бы интерпретировать и как проявление другого обстоятельства - сохранения титула собственности за кредитором (наличие этого титула до передачи объекта).

Что касается других названных признаков (односторонне-обязывающий характер, predeterminedность формы проявления возвратного обязательства, predeterminedность качественных характеристик объекта), то они, конечно же, могут быть обнаружены. Но их формулировка требует авторских пояснений уже потому, что обязательство в принципе основано на том, что действует лишь одна сторона (то есть всегда одностороннее).

Второй параграф первой главы посвящен признаку возвратности в арендных отношениях. Исторический и сравнительно-правовой анализ проблематики позволил соискателю обоснованно признать, что в настоящее время аренда и найм могут рассматриваться как равноценные понятие (С. 32).

Подходы к квалификации договора, связанного с размещением автомашин (С. 37), автором осуществлены в целом правильно, надо заметить, что в настоящее время все названные виды договоров реально применяются.

Описывая проявление «признака возвратности» в договорах аренды транспортного средства и договора фрахтования, соискатель в целом правильно квалифицирует возникающие отношения и верно показывает различие вероятных последствий, в том числе различие режима ответственности (С. 40-41).

Завершает первую главу параграф, посвященный методологии изложения норм об аренде (С. 43). Увязывая эту проблематику с собственными диссертационными целями, соискатель критически оценивает закрепленную структуру кодифицированных норм об аренде, вносит свои предложения, в частности, о целесообразности изменить параграф о прокате, выделив потребительский и коммерческий прокат, и сопроводив отсылкой к

специальному законодательству – ФЗ «О защите прав потребителей» (С. 44 и далее) и т.д. В целом с этими соображениями надо согласиться, включая критику сегодняшнего нормативно-правового регулирования лизинга (автор вообще предлагает нормы о лизинге перенести в специальный закон). Правда, вероятные изменения в правовом регулировании арендных отношений и дефекты сегодняшней организации нормативного материала могут быть связаны и с отсутствием полноценного правового института пользования в ГК РФ, что, в конечном счете, и приводит к неудовлетворительной сегодняшней компоновке норм (и статей).

Во всяком случае, целесообразность «переформатирования» главы 34, предлагаемую соискателем (С. 50-52), следует поддержать. Более осторожно надо относиться к предложениям об исключении дублирования норм об аренде в специальных законах – сам по себе повтор законодательных положений в отдельных актах часто требуется лишь для увязки положений, высказанных в различных актах (С. 53).

Соображения соискателя относительно порою наблюдаемого расхождения судебной практики и нормативно-правового регулирования (в том числе при усмотрении в качестве обременения аренды части помещения, С.55), а также выводы из этого анализа (С. 58 и далее) в целом можно одобрить. Надо, правда, заметить, что нет противоречия нормы п.6 ст. 22 ЗК РФ положениям ст. 615: содержание п.2 последней ясно указывает на ее диспозитивный характер (см. С. 55).

Вторая глава названа «Обязательство из договора аренды»; это вызывает вопросы, если вспомнить, что из данного договора несомненно возникает не одно, а несколько обязательств (рефрен же «возвратности», включенный в наименование, несколько забыт)

В.А. Белов полагает уместным выделить ряд стадий формирования арендных отношений (С. 61 и далее), что в целом допустимо и созвучно современному цивилистическому пониманию правовой материи. Более того, можно было бы развить некоторые его высказывания. Например, о роли

«предварительной стадии», которая может характеризоваться не просто «поиском партнера», но и возможностью появления особых правовых отношений (это хорошо видно, например, в контексте ст. 431.2. 434.1. ГК РФ).

Поддерживая выделение автором определенных стадий формирования и развития обязательств из договора аренды, следует заметить, что ряд высказываний требует авторских пояснений. Это касается и выражения «результатом такой фиксации является признание договора заключенным» (С. 61), что позволяет предположить о наличии особых актов «фиксации» и «признания», что вряд ли имеет правовой смысл.

Удачен анализ проблемы значения государственной регистрации на признание договора заключенным (С.68-69). Однако соискатель, думается, напрасно критикует текст п.3 ст. 433 ГК РФ: сама по себе регистрация для отношений участников договора не столь значима и обязательство, конечно же, возникает. Здесь проблема, скорее, в другом – регистрационные процедуры применительно к разным договорам имеют разные цели (достаточно сравнить с регистрационными процедурами «предоставления комплекса исключительных прав» по договору коммерческой концессии).

В целом же общая идея В.А. Белова об отказе от предусмотренного ныне порядка государственной регистрации договора аренды заслуживает внимания, аргументирована (С. 72-74).

Обсуждая основания возврата арендованного имущества, соискатель исходит из того, что само наличие договора аренды порождает возвратное обязательство, усматривает здесь проявление взаимосвязи различных стадий аренды (С.76-78) и возникновение прав, которые он именуется «биабсолютными» (см. также далее).

При разрешении проблемы характеристики объекта арендных отношений соискатель склоняется к тому, что это могут быть вещи, определяемые родовыми признаками (С. 89-92). Полагаю, это правильно хотя

бы в том смысле, что решающую роль здесь играет определенность объекта, а не его индивидуальные свойства.

Универсальность предварительного договора допускает его более широкое распространение, нежели ныне, это касается и аренды незавершенного строительства (С. 98). Да, здесь были и будут споры и сомнения (в том числе относительно отдельных характеристик объекта), но заслуживает внимания и позиция соискателя о том, что требуется более взвешенная и прагматичная оценка. Но предложение «легализовать» договор аренды, где объектом выступает еще «не созданная вещь» (С.99), вряд ли можно принять. В том числе потому, непреодолимым препятствием будет выступать отсутствие самой вещи, тем более, что известная судебная практика, более лояльно относящаяся к факту изменения показателей подобных объектов (вплоть до того, что часть объекта формально не будет недвижимостью). Проще говоря, лучшим путем разрешения проблем и недоумений будет признание возможности изменения показателей вещи (признаки такого подхода в обзоре дела на С. 101).

Кстати, отношения, возникающие из предварительного договора, хотя и порождают обязанность, вовсе не обязательства.

Анализируя на основе целевого подхода задачи сторон в арендных отношениях, соискатель критически высказывается к устоявшейся дифференциации аренды на «владельческо-пользовательскую» и «пользовательскую» (С. 109 и др.), подчеркивает, что это прежде всего пользовательский институт, где владение и пользование обычно проявляются в совокупности. В этом есть логика. Признавая это, все же целесообразны две ремарки. Во-первых, известная «триада» исторически относится к институту собственности и отражает (если говорить о профессиональном юридическом понимании) не «полномочия», а направления деятельности. Во-вторых, у нас применительно к аренде слабо раскрыто не только «пользование», но и «владение»; на позицию законодателя, конечно же, повлияла масса случаев, когда арендатор лишен возможности проезжать, проходить к объекту аренды

(например, арендодателем установлен пропускной режим). И это, как минимум, следует учитывать.

Оценка существа вклада арендных прав в уставный капитал (С. 124) правильна.

Замечу, что исторически (исходно) термин «телеологический» в правоведении применялось для оценки содержания и смысла правовых норм, а не условий и намерений сторон договора; но, видимо, сегодня допустимо расширить сферу применения данного приема толкования.

При анализе прекращения арендного обязательства В.А. Белов последовательно разбирает предусмотренные нормами закона основания и делает вывод, что норма ст. 327.1 ГК РФ (обусловленность возникновения обязательств или их прекращения определенным действием или обстоятельством) может «кардинально изменить» сложившуюся практику (С. 127). Возможно. Но не готов твердо и определенно поддержать ригористичность этого мнения, поскольку, во-первых, договорной практике такие условия были известны и ранее (не вызывая каких-либо особых эффектов), во-вторых, если стороны договорились о таких последствиях, то это, думается, вполне вписывается в норму п.1 ст. 450 ГК РФ. И, в-третьих, практика применения ряда новелл восьмого блока поправок к ГК РФ еще не сформировалась, тем более это касается условий с элементами потестативности. Предположение автора интересно как раз вероятными рисками и задачей обеспечить стабильность отношений (что он и анализирует – С. 128 и др.). Высказанное им мнение о нецелесообразности ориентироваться в таких случаях на государственную регистрацию есть основания поддержать.

Соображения соискателя относительно того, каким именно образом оптимизировать порядок инициативного расторжения договора с учетом интересов сторон, в целом должны быть одобрены (С. 135-136). Правда, не вполне ясны причины, по которым автор скептически относится к судебному порядку расторжения договора по инициативе арендатора. Он ссылается на

то, что арендатор в таком случае не получает «никакого удовлетворения от существующей обязательственной связи». Но ведь он и пользуется столько и в том объеме, за который уплатил, да и расторгает по собственной инициативе. Далее из текста можно понять, что речь идет только о ситуации, когда объект вообще не был предоставлен... Но так ли это надо понимать, требуется пояснить. В этом плане удачнее утверждение о том, что, установив судебную процедуру расторжения договора аренды, законодатель, конечно же, имел в виду, что обеспечение баланса интересов на суд же и возлагается (С. 138).

Третья (и последняя) глава работы посвящена некоторым аспектам аренды земельных участков для целей строительства и торговли (С. 151 и далее).

Обращая внимание на неудачность и даже неприемлемость аренды земельного участка для строительства, анализируя высказанные по этому поводу точки зрения, соискатель обоснованно приходит к выводу, что известные конструкции временного предоставления земли для застройки в различных правопорядках «страдают» общим недостатком – обязанностью возвратить участок (С. 158). Исследуя вероятные последствия введения права застройки в отечественное законодательство, В.А. Белов пытается оценить возможные последствия. Он отмечает, что они окажутся различными: как положительными, так и отрицательными (С. 161-163). В этой связи обращается внимание на возможности самой конструкции аренды, во всяком случае, отмечается, что после передачи объекта арендатору у него, как минимум, возникают владельческие полномочия. В целом же автор полагает, что после некоторых уточнений действия норм об аренде, в том числе реализации правил о главной вещи и вещи подчиненной, нельзя полагать, что возможности правового института аренды по обеспечению строительства исчерпаны. При этом соискатель несколько скептически относится к вероятным новеллам (относительно вещных прав), даже консервативен в

оценке предполагаемого правового эффекта, в целом такая сдержанность заслуживает внимания.

При обсуждении проблем использования договора аренды применительно к торговым объектам, соискатель отмечает, что обычно непосредственный продавец и застройщик не совпадают в одном лице; данное обстоятельство рождает необходимость заключения между ними договора (С. 164 и далее). Далее он критически разбирает имеющиеся определения торговых объектов в ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», отмечая, что у их различный правовой режим и полагая, что это неизбежно должно отражаться на отношениях аренды данных объектов (С. 168). В том числе автор обоснованно отмечает, что необходимо учитывать ограничения антимонопольного законодательства (25-процентный объем продаж как пороговую величину). Правда, его оценка последствий недействительности соответствующих договоров спорна (см. далее).

Соображения же относительно необходимости снять неясности по действию преимущественного права – в контексте норм указанного Федерального закона - следует поддержать (С. 175). Это тем более требуется в современных условиях, когда арендаторы лишены преимущества по продлению аренды в отношении участков из государственных и муниципальных земель, правила главы V.6 Земельного кодекса РФ действуют ограниченно, а действие норм ст. 39.6 данного кодекса относительно случаев предоставления без торгов еще предстоит оценить.

Таким образом, работа В.А. Белова обладает научно-теоретическим и практическим значением, ряд высказанных предложений, аргументов исследования может быть использован в качестве ориентиров для нормотворческой деятельности, в процессе дальнейшей оптимизации правоприменительной практики, в учебном процессе.

Далее следует высказать некоторые замечания по работе, часть утверждений вызывает вопросы и (или) спорна.

Представляется, что соискатель должен предпринять усилия по объяснению как наименования работы, так и ряда высказываний, связанных с толкованием им выражения «возвратное обязательство». Если опираться на само название работы, то следует предполагать, что работа посвящена именно «аренде», хотя бы и «как возвратному обязательству». Но тогда что есть «аренда» в этом смысле? Судя по наименованию – это не договор (иначе так бы и было написано). Если полагать, что это разновидность именно обязательств (С. 3 и др.), то и следовало бы назвать работу «Обязательство по возврату арендованного имущества»...

Впрочем, и тогда бы сохранились вопросы и неясности. Обязательства, складывающиеся в силу договора аренды, чрезвычайно разнообразны. Но они predeterminedены актом предоставления имущества на время без утраты титула права собственности на него и поэтому к собственно «арендным отношениям» логично относить лишь те из них, которые не затрагивают аспектов права собственности (иных вещных прав). По истечении оговоренного срока договор аренды прекращает действие, «аренды» более нет, но была и остается обязанность владеющего не собственника вернуть имущество собственнику. Юридически значимая обязанность вернуть имущество имеется и при отсутствии в договоре соответствующего условия о возврате (она лишь не детализирована). Таким образом, сами по себе отношения «по возврату» в слабой степени predeterminedены договором, поскольку в решающей степени зависят от соответствующего вещного права (договор лишь уточняет параметры возврата).

С учетом изложенного трудно без специальных пояснений соискателя признать наличие в рассматриваемых обязательствах «исключительной особенности» в виде сочетания двух признаков: возмездности и возвратности (С. 28).

Рассматривая возвратность как признак аренды, и выводя его преимущественно из срочности и нормативного закрепления в ст. 622 ГК РФ (С. 33), автор, вместе с тем, ретуширует наличие таких конститутивных

признаков договора аренды как а) предоставление лишь для пользования (владения и пользования), б) предоставление не любой вещи, а вещи именно непотребляемой. Да, далее (глава 2) он объясняет причины, по которым эти признаки не рассматривает как принципиальные и постоянные. Но этот вывод сделан преимущественно в связи с тем, что возможно изменение некоторых характеристик объекта. Данное обстоятельство не должно мешать осознанию того, что объектом аренды может быть лишь такая «вещь», которая и в силу аренды сохраняет свои основные качества в целом за пределами арендного срока, сохранение титула собственности и предопределяет обязанность возврата.

Если же полагать, что понятие объекта арендных отношений может непрестанно расширяться, утрачивается ясность в границах применения самого договора аренды. Признавая, что сегодняшнее определение объекта, предоставляемого в аренду, не вполне точно и требуется совершенствование его описания, все же надо помнить, что если меняется состав прав и обязанностей, то в какой-то момент может потребоваться перекалфикация договора в иной (иную модель). Думается, это касается и договора аренды незавершенного строительства.

Думаю, примеры, приводимые в обоснование высказанных положений не всегда корректны. Так, в примере под №3 (С. 56) говорится о противоречиях норма права и судебной практики. Но п.10 указанного в тексте постановления Пленума ВАС РФ в основном ограничивает действие ст. 168 ГК РФ (учитывая различие правовых положений арендодателя в разных ситуациях), что – само по себе - не лишает заинтересованного арендатора ссылаться на отсутствие у арендодателя права сдавать имущество в аренду; наконец, высказанные правовые позиции судебных органов никак не могут восприниматься в качестве норм права (а соискатель говорит именно о них – см. С. 55).

Надо также учитывать, что некоторые отмечаемые противоречия, скорее, мнимые, поскольку расхождение позиций вызвано развитие практики

и изменением отношения к одной и той же ситуации (в частности, это касается и разного толкования норм в Информационном письме Президиума ВАС от 11.01.2002 и Постановлении Пленума от 17.11.2011, см. С. 57 – о возможности аренды части вещи). Такое в принципе ожидаемо, но свидетельствуют не о пороках, а о развитии правовой системы, способной отразить потребности субъектов экономической деятельности.

Соображения и аргументация относительно исходной консенсуальной природы договора аренды в целом удачны. Но так и не ясно, почему автор отказывается в самой возможности заключения договора аренды как реального, полагаю, размышления его по этому поводу не учитывают того факта, что заключение договора и вступление в силу отдельных условий может просто не совпадать по времени (С. 64); да, при создании норм законодатель иногда ссылается на содержание договора, что не должно исключать ситуаций, когда отношения возникают с момента совершения определенного действия. В контексте этого ссыла на высказывания В. Кияшко вряд ли приемлема (С. 65) – получается, что принцип свободы договора здесь не действует!?

Автор отказывается признавать существование правоотношений в силу действия абсолютного права. Что ж, как любой исследователь он вправе высказываться так, хотя для большинства цивилистов это просто не мыслимо, поскольку лишает «правовую картину» ясности и логичности. Само это отрицание не столь уж важно, но такое понимание приводит В.А. Белова к выводу о том, что в данной точке событий происходит «преобразование» абсолютного права в «биабсолютное» (С. 80); приставка «би-» появилась в том смысле, что данное право позволяет запрещать третьим лицам вступать «во взаимодействие с объектом». Такое избыточное «удвоение» права, вызванное единственно потребностью объяснить некоторые правовые возможности арендатора, не дает оснований согласиться с предложением автора о введении категории «биабсолютное право».

Выделение соискателем «особого статуса арендатора» как самостоятельной категории (С.117 и др.) не отменяет природы его прав,

являющихся обязательственными (независимо от соображений автора ситуация радикально не меняется). Именно поэтому законодатель вынужден как-то компенсировать явно недостающие полномочия, формулируя специальные (хотя и несколько противоречивые) нормы (например, ст. 305 ГК РФ).

Разумеется, у арендатора помимо права использовать объект есть и некоторые иные юридически обеспеченные возможности (кстати, как самостоятельное полномочие можно выделить возможность учитывать право аренды для оценки величины активов). Но из такого «расщепления», вполне характерного для современной экономики, не может возникать ситуация, обрисованная автором (С.120-123) как «противоречивая конструкция». Передача права аренды в уставный капитал другой организации неизбежно ведет к утрате фактического пользования (и владения): зачем передавать права как не для того, чтобы передавать и имущество (предоставив возможность аренды)? В этих целях и родилась слабо оформленная, но закреплённая сегодня и в законе (ст.392.3 ГК РФ) конструкция «Передача договора», существо которой сводится к одновременной передаче прав и обязанностей. Впрочем, подобный эффект, в том числе усмотрение за одним объектом другого, уже описан в литературе, скажу даже так – он общепонятен. Кажется, понимает это и соискатель, поскольку выделение «права аренды как такового» сам же называет «особым методом юридической техники» (С.123). Собственно говоря, из того, что в законе упомянута возможность отдавать в залог или иным образом использовать возможности арендатора еще не следует, что законодатель «разделяет объект договора аренды на материальный объект и право аренды» (С. 124).

Обсуждая в третьей главе определение нестационарного торгового объекта (С.167), автор, думается, напрасно увлекся этой проблематикой. Нет оснований и для вывода о том, это определение в ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» противоречит общему определению торговых объектов. Данный закон не предназначен ни

для правового регулирования торговой деятельности, ни для определения торговых объектов: у него специальные задачи, не считая просто неудачного изложения. Разумеется, «нестационарные объекты», «временные объекты» обычно являются движимыми вещами, но могут вообще не являться вещами, а также могут являться совокупностями вещей как с определенными правовыми характеристиками (например, тележка для мороженого может рассматриваться как «сложная вещь»), так и без таковых (примером может быть «торговое место» по ФЗ «О розничных рынках», в нем более значимо расположение «места» на территории рынка, а не вещественная составляющая).

Соискатель пишет о том, что не согласен с правовой позицией Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 17.11.2011 г., предложившего в таких случаях возврат объекта аренды осуществлять по правилам заключенного договора (п.14), и предлагает опираться на нормы гл. 60 ГК РФ (С.174). Возможно, в применении норм о кондикционных отношениях есть смысл, но в п.14 названного Постановления рассматривается иная ситуация (относительно возможности признать действие ряда условий заключенного, но не зарегистрированного договора), т.е. вопрос о недействительности не ставится. Наконец, не ясно, почему соискатель пишет о необходимости применять при ничтожности данного договора (в случае превышения 25-процентного порога) именно нормы о виндикации? Разве правила о двусторонней реституции (п.2 ст.167 ГК РФ) не действуют?! Здесь требуются авторские пояснения.

Данные замечания не определяют общую положительную оценку работы.

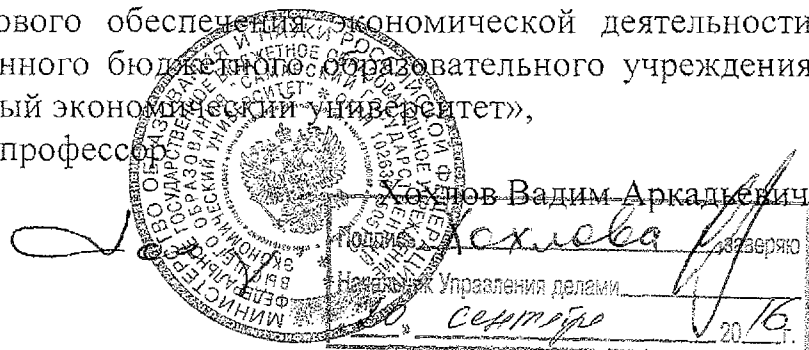
Язык диссертации ясен, точен, профессионален, сформулированные положения в достаточной степени обеспечены аргументацией, репрезентативны.

Изложенное позволяет сделать общий вывод: диссертация В.А. Белова является самостоятельным, обладающим логическим единством,

законченным научно-квалификационным исследованием, ее положения, рекомендации, предложения имеют важное значение для социально-экономического развития страны, свидетельствуют о внесении автором личного вклада в науку гражданского права. Кандидатская диссертация и автореферат диссертации соответствуют требованиям п.9-11,14 Раздела II Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, соискатель же – Белов Валерий Александрович - заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук (по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право).

Официальный оппонент,
 профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности
 Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
 «Самарский государственный экономический университет»,
 доктор юридических наук, профессор

«16» сентября 2016г.

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук
 защищена по специальности 12.00.03 – гражданское право;
 предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Почтовый адрес: 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, тел.:
 +7(846) 933 87 78; E-mail: vahohlov@mail.ru